

Психологическое направление. Лингвистическая концепция А. А. Потебни

Натуралистическая и психологическая концепция языка некоторое время сосуществуют, связывая общую теорию языка со сравнительно-историческими исследованиями. Многие лингвистические положения получают свое психологическое осмысление уже в работах В. фон Гумбольдта, психологизм характерен в том или ином виде для сравнительно-исторического языкознания всей второй половины XIX в. Оформление и становление психологизма в языкознании в самостоятельное направление относится к середине – концу XIX в., оно тесно связано с именами Геймана Штейнталя (1823 – 1899), Морица Лацаруса (1824 – 1903) и Вильгельма Вундта (1832 – 1920) в Германии, с именем А. А. Потебни (1835 – 1891) в России. В рамках психологического направления в языкознании четко формируются два течения: социальный, или коллективный, психологизм, иначе – этнический психологизм и индивидуальный психологизм. Представители первого течения выдвигают требование рассматривать язык как специфическое проявление психологии народа. Здесь в центре внимания находится психология социума – народа, коллектива, нации. Для представителей второго течения характерно понимание языка как особого механизма деятельности индивидуальной психики, как механизма представлений в сознании индивида. В центре внимания индивидуального психологизма оказывается отдельный человек и его психика. На становление лингвистического психологизма большое влияние оказала ассоциативная психология немецкого философа, психолога и педагога И. Гербарта (1776 – 1841), в которой мыслительный процесс рассматривается как ассоциация представлений. Ассоциациями выступают связи представлений по смежности, по сходству и по контрасту. Кроме ассоциаций, связь представлений осуществляется также в ассимиляции, то есть объединении и закреплении сходственных или близких представлений, и в апперцепции – определяемости нового восприятия уже имеющимися представлениями. Психологизм как особое направление в науке о языке возникает, прежде всего, в связи с концепцией народной психологии Г. Штейнталя и М. Лацаруса.

Народная психология, или психология народов, как особая область научных знаний сформировалась в конце XVIII – начале XIX века и была подготовлена всем ходом развития смежных с языкознанием наук. Основная идея народной психологии тесно связана с концепцией народного духа. В лингвистической традиции она находит источник и опору в философии языка В. фон Гумбольдта. По Штейнталю и Лацарусу, дух народа представляет собой общий продукт человеческого общества, а духовная деятельность есть истинная жизнь и назначение человека. Дух народа является источником как духовной деятельности, так и вообще любой деятельности человека, он выражает общедетельность. Психология народов – это наука о народном

духе, она должна исследовать специфические «образы жизни и формы деятельности духа» у разных народов, которые и составляют духовную природу народов. Богатейший материал для исследования духа народа дает история национальной культуры, которая проявляется, прежде всего, в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, традициях и песнопениях, мифологии и религии. Все это – продукты народного духа. Народный дух есть то, что делает множество индивидов народом, он представляет собой основу для одинакового сознания индивидов, которые составляют народ. Но поскольку дух народа пребывает в индивидах и не имеет отдельного от индивида бытия, то в народном духе происходят те же основные процессы, что и в духе индивида. Следовательно, общая психология как наука о духе вообще имеет в своем составе два основных раздела – психологию народов и индивидуальную психологию. Индивидуальная психология – это наука о духе индивида, а народная психология – наука о духе народа. Первая оказывается как бы основанием для второй. Так как вся интеллектуальная деятельность человека и народа непосредственно связана с языком, то психология – это в первую очередь наука о языке.

Для основоположников народной психологии язык служит одновременно выражением самосознания, мировоззрения и логики духа целого народа и выражением и мерилом индивидуального духа. Изучение языка во всем многообразии его форм и проявлений дает возможность постичь особенности народного духа, каждый язык есть индивидуальное осуществление общего понятия «язык» в деятельности национального духа, заключающего в себе нечто субстанциональное, некое неизменное ядро, которое само определяет все изменения духа. В этом случае возможна классификация языков как выразителей духа народа, соединяющая их в систему по родству и совершенству их организации. Подобная классификация должна отразить воплощение в отдельных языках в индивидуальных формах всеобщей сущности языка.

Эти основные принципы народной психологии нашли свое отражение в собственно языковедческих работах Г. Штейнтала, важнейшими из которых являются: «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» (1855), «Введение в психологию и языкознание» (1871), «Происхождение языка» (1851), «Классификация языков как развитие языковой идеи» (1850), «Произведения В. Гумбольдта по языкознанию и философия Гегеля» (1848) и др.

Штейнталь относит языкознание к числу психологических наук, так как речь – это духовная деятельность, и язык является объектом психологического наблюдателя. «Предметом языкознания, – пишет он, – является язык или язык вообще, то есть выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков» (39, 127, ч. I). Языковой материал «состоит из представлений, и даже простые звуки, артикуляции, обуславливаются

духовным началом; как таковые, они могут быть подвергнуты чисто психологическому наблюдению...» (39, 129, ч. I). В понятие «язык» Штейнталь включает речь (говорение) как происходящее в настоящее время проявление языка, способность говорить, выделяя в ней физиологическую и психическую стороны, языковой материал как созданные речью элементы и, наконец, какой-либо конкретный язык как совокупность языкового материала какого-либо народа.

Образование и развитие языка и мышления у индивида, по мнению Штейнталея, происходит по тем же законам, которые вызвали происхождение и развитие языка в человеческом обществе. Все индивиды одного народа носят отпечаток его особой природы на своем теле и на душе, подчеркивает он. Физическое сходство объясняется кровным родством, сходными влияниями природы и образа жизни. Сходство духовной организации определяется совместной жизнью. «Первоначально мыслили только сообща; каждый связывал свою мысль с мыслью своего соплеменника, и возникшая отсюда новая мысль принадлежала как тому, так и другому, подобно тому как дитя принадлежит отцу и матери», – отмечает Штейнталь (39, 133, ч. I). Сходная физическая организация и сходные впечатления, получаемые извне, производят сходные чувства, склонности и желания, что приводит в свою очередь к сходным мыслям и сходному языку. Язык выступает, таким образом, как продукт сообщества, народа, являясь одновременно психофизиологической системой, прилегающей к индивиду.

Штейнталь строго определил границы языкознания и логики, утверждая, что категории языка и логики несовместимы и также мало могут соотноситься друг с другом, как понятия круга и красного. В языковом мышлении, по Штейнталею, человек имеет дело с представлениями о представлениях, вычлененных из сферы предметного мышления, то есть он разграничивает предметное и языковое мышление. Содержанием предметного мышления являются не сами предметы, а представления о них как некая мысленная совокупность отраженных признаков этих предметов. Содержание языкового мышления – это представления об этих представлениях, то есть явление вдвойне субъективное, носящее наименование внутренней формы языка. Внешней же формой языка является звук.

Штейнталевское понимание языка как развертывающейся во времени и пространстве языковой деятельности совокупности индивидов, составляющих общество, оказалось плодотворным для языкознания.

Большую известность на рубеже XX в. приобрели работы Вильгельма Макса Вундта (1832 – 1920), принадлежащего вместе с М. Лацарусом и Г. Штейнталем к школе этнической психологии. По сути, Вундт явился первым специалистом-психологом, предпринявшим глубокое исследование языка, его сущности, механизма функционирования и развития, его связи со смежными областями человеческой деятельности. Язык как продукт коллективной деятельности людей Вундт изучал в одном ряду с мифами и

обычаями, которые охватывают «все первобытное мирозерцание» и обнимают собой одновременно зачатки религии и искусства, права и культуры. Это синкретическое духовное творчество Вундт изучал на базе психологии, которая, по Вундту, есть в то же время основная философская наука, поскольку всякое научное познание предполагает в качестве эмпирической основы психический процесс. Сам он неоднократно заявлял, что факты языка его интересуют с точки зрения их полезности для психолога. В работе «О целях и путях народной психологии» (1888) он изложил свое отношение к проблемам связи психологии и языкознания. В своих основных трудах «Психология народов. Исследования законов развития языка, мифов и обычаев» (многотомное издание, первые два тома посвящены языку; 1900), «История языка и психология языка» (1901), «Элементы психологии народов» (1912) и др. Вундт стремился подвергнуть психологической трактовке общие и частные проблемы языка.

Вундт пытался более четко определить предмет народной психологии, исключая из нее то, что носит сугубо индивидуальный характер. По его мнению, внимание нужно сосредоточить на психологических закономерностях, имеющих всеобщее значение. Объектом психологии Вундт объявляет три большие области – язык, мифы и обычаи, которые формируют три основные проблемы психологии. Язык, мифы и обычаи подчиняются всеобщим духовным законам развития, представляя собой духовные продукты развития, в которых проявляются и психологические законы. В языке, мифах и обычаях повторяются как бы на высшей ступени развития те же элементы, из которых состоит и индивидуальное сознание, но духовное взаимодействие индивидуумов приносит в них новые условия. В этих областях искомый характер общей закономерности сочетается с выражающимся в жизни как отдельного человека, так и народов характером исторического развития. Язык, мифы и обычаи обнаруживают соответствие трем видам психических процессов, трем областям индивидуальной психологии: представлениям, чувствам и воле. «Язык, – отмечает Вундт, – содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствованиями и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли» (39, 170, ч. I). Язык выступает началом и движущей силой науки и поэзии, мифы – религии, а обычаи – права и нравственных принципов.

Вундт понимал язык как деятельность духа и тела, иначе говоря, как психофизиологическую деятельность человека, определяя язык как выражение мыслей, чувств и желаний с помощью звуков. Он подробно рассматривает психофизиологические основы языковой деятельности: локализацию в мозгу речевых центров, психофизиологические условия образования слова, «психологию словесных представлений». Механизм образования слова включает у Вундта следующие элементы: акустическое

представление звуков и соответственно моторное представление артикуляции – для звукового языка; оптическое представление букв и соответственно движение пишущей руки – для письменного языка; представление значения слова и соединенный с ним тон чувства – для эмоциональной окрашенности речи.

Вундт полагал, что существование различных типов языков – корневых, агглютинативных и флективных – обуславливается степенями психологического развития народов, идущего совершенно параллельно развитию сознания отдельного человека. Сознание ребенка характеризуется цельностью восприятия мира. Речь детей, представляющая собой набор отдельных слов, не соединенных флексией, соответствует корневым языкам. В дальнейшем развитии человека сознание обретает способность разлагать представление на отдельные признаки и соединять их в единое целое. Эта ступень психологического развития соответствует форме агглютинативных языков. И, наконец, когда сознание обретает способность объединять родственные признаки в понятие, возникает новая ступень в развитии языков – флективные языки. Фактически язык является особой и своеобразно развитой формой жизненных психофизических проявлений народа.

В своей психофизиологической теории происхождения и развития языка Вундт отводит важное место моторике, мимико-жестикуляционным и пантомимическим движениям. Для него язык представляет собой «всякое выражение чувств, представлений или понятий посредством движения», поэтому большое значение Вундт придает языку жестов, занимающему в его теории первичную ступень языка, которая предшествовала звуковому языку.

Особая позиция Вундта в сравнении с другими представителями психологического направления заключалась в оценке связи языка и мышления. Он заменяет ассоциативную психологию Штейнталя психологией волюнтаристической и кладет в основу толкования языковых фактов апперцепцию, а не ассоциации. Особенно ярко это проявилось в вопросе о сущности предложения. Для ассоциативной психологии предложение – это соединение нескольких представлений или соединение слов. Вундт считает психологической основой предложения не соединение представлений в единое целое, а, напротив, их разложение. В предложении, по Вундту, находит свое языковое выражение произвольное расчленение целого сложного представления на его составные части, поставленные в логические отношения друг к другу. Различие между предложением и словом заключается в том, что если предложение – это полное выражение представления, то слово – лишь частичное его выражение.

По мысли Вундта, разложение целого сложного представления всегда бинарно. Например, в предложении первое представление делится на субъект и его свойства, второе – на процесс действия и объект действия. В результате такого деления образуется группа представлений, поставленных в логические отношения друг с другом. Логическое членение представлений – это акт апперцепции. Возникновение представлений без логической необходимости

и последовательности – это ассоциация представлений. Первый процесс порождает замкнутые структуры, характерные для аналитического, научного мышления, второй – открытые структуры, свойственные поэтическому, синтетическому отражению действительности.

Идеи Вундта оказали значительное влияние на его современников и получили дальнейшее развитие в XX в. у неогумбольдтианцев и представителей антропологической лингвистики.

Лингвистическая концепция А. А. Потебни. Александр Афанасьевич Потебня родился в Полтавской губернии в украинской дворянской семье. В 1850 – 1856 гг. Потебня учится в Харьковском университете сначала на юридическом факультете, а затем на историко-филологическом. С Харьковским университетом была тесно связана научно-исследовательская и педагогическая работа А. А. Потебни (в 1860 защитил магистерскую диссертацию, в 1863 стал приват-доцентом, в 1874 защитил докторскую диссертацию «Из записок по русской грамматике», в 1875 становится профессором кафедры истории русского языка и литературы). Научные интересы Потебни были необычайно широки: философия языка, вопросы общего языкознания, грамматическая теория, семантика, диалектология, сравнительно-историческая грамматика славянских языков, поэтика, фольклор, этнография. Потебня был языковедом-мыслителем, оказавшим значительное влияние на развитие мирового языкознания.

Общелингвистические взгляды А. А. Потебни находят свое отражение в работах «Мысль и язык» (1862), «Из лекций по теории словесности» (1894), «Из записок по русской грамматике» (т. I, II – 1874, III – 1899, IV – 1941) и некоторых других. Философской базой лингвистической теории Потебни являлись идеи И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, философия языка В. фон Гумбольдта.

В научной деятельности Потебни выделяют два периода. Первый период (1860 – 1865) связывают с разработкой философско-психологической теории языка на базе критического осмысления идей Гумбольдта, психологической теории И. Гербарта, этнической психологии М. Лацаруса и Г. Штейнштрессера. В этот период исследовательской деятельности Потебня выступает преимущественно как психолог и философ в языкознании. Во второй период (1865 – 1891) он работает преимущественно в области диалектологии, грамматики и фонетики русского языка, отчасти и других славянских языков (1, 389).

На философию языка Потебни сильное влияние оказало учение Гумбольдта, которое ярче всего проявилось в психологическом подходе Потебни к анализу языковых явлений. Однако многим положениям Гумбольдта он придает иное истолкование, прежде всего в духе лингвистического психологизма, утверждавшего зависимость развития языка от развития индивидуального мышления. В отличие от Гумбольдта, Потебня рассматривает дух лишь как умственную деятельность, зависящую от языка. Поскольку понятия образуются только посредством слова, то дух без языка

оказывается невозможным, потому что «сам образуется при помощи языка и язык в нем есть первое по времени событие».

С позиций лингвистического психологизма трактует Потебня положение Гумбольдта о языке как деятельности. Сущность языка видится ему в беспрестанном стремлении к совершенствованию языковых форм, в беспрерывном обновлении языка, его развитии. Потебня рассматривает язык как поток непрерывного словесного творчества, уделяя большое внимание проблеме речи, ее роли в жизни языка, функционированию единиц языка в речи. Действительная жизнь единиц языка, особенно слова, совершается только в речи. Изолированное слово мертво, оно не обнаруживает своих свойств. При этом в речи слово каждый раз соответствует только одному акту мысли, то есть «каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения». Во всяком новом употреблении слова возникают изменения в его значении, оттенки, нюансы смысла, то есть разные мыслительно-речевые акты создают как бы разные по смыслу, хотя и однозвучные слова. Индивидуальный акт речи предстает здесь как индивидуально-неповторимый акт духовного творчества. Поэтому рассмотрение языка как деятельности тесно связано у него не только с характеристикой речи, но и с проблемой художественного творчества. Отсюда вытекает развитие Потебней этого положения Гумбольдта – антиномии понимания и непонимания. В теории индивидуальной психологии это положение тесно связано с субъективностью содержания и различием мыслей говорящего и слушающего.

Потебня под непониманием понимает не только обязательное отклонение от мысли, идущей от говорящего, а «понимание по-своему», как творческую работу слушающего, как то новое, что он привносит от себя, поскольку его жизненный опыт иной. Возбуждение извне в этом случае – лишь повод для появления своего. В акте общения собеседники затрагивают друг в друге то же звено цепи чувственных представлений и понятий, поэтому в каждом восстают соответствующие, но не те же понятия, поскольку индивидуальный опыт и воспоминания у людей различны. Это и вызывает известное «непонимание» при передаче мысли, поскольку «говорить, значит, не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли».

Много внимания уделял Потебня соотношению языка и мышления. Для него вопрос о происхождении языка – это вопрос о явлениях духовной жизни, предшествующих языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую духовную деятельность, то есть вопрос чисто психологический. Он считает, что «область языка далеко не совпадает с областью мысли», так как в истории человечества мышление не всегда связано с языком. «В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом», однако в начале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на «высокой степени отвлеченности покидает его». Как отмечает Потебня, несовпадение языка и мысли наблюдается в творческой

деятельности музыканта, живописца, шахматиста, а в математике понятия выражаются не словами, а условными знаками. Вместе с тем, подчеркивает Потебня, «язык есть необходимое условие мысли отдельного лица», «в слове впервые человек сознает свою мысль», только слово назначает всему свое место в системе человеческих знаний.

В интерпретации Потебни мыслительная деятельность включает в себя несколько этапов: то, что я вижу (предмет) → характерный признак воспринимаемого предмета (внутренняя форма) → чувственный образ предмета (совокупность восприятий) → представление (сравнение восприятий) → апперцепция (первый акт мысли) → суждение (основная форма мысли) → понятие (совокупность суждений). Развитие взаимоотношений между мышлением и языком происходит следующим образом: от дословесного мышления образами через образное мышление, ассоциированное со словом, до мышления понятиями с помощью слов. Важная роль в этом процессе принадлежит слову, посредством которого совершается переход образа предмета в понятие о предмете. Содержание мысли есть образ или понятие. Средством развития мысли, средством преобразования образа в понятие выступает слово. По мере того как мысль с помощью слова идеализируется и освобождается от непосредственных чувственных восприятий, слово постепенно лишается своей образности (7, 82).

Учение о слове занимает центральное место в лингвистической теории Потебни. Потебня считал, что показать участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношение личности к природе, есть основная задача истории языка. По мысли Потебни, в основе образования слова лежит рефлекторное чувство человека, реагирующего на раздражения, идущие от действительности (чувства голода, страха, боли, иных впечатлений от предметов). Получаемые представления мотивируют значение слова, давая «не образ предмета, а образ образа», который Потебня именуется внутренней формой. Внутренняя форма слова имеет у Потебни двухступенчатую природу. Во-первых, внутренняя форма – это центр образа предмета, один из его признаков, преобладающий над остальными, который берется в основу наименования предмета. Например, внутренняя форма слова *подснежник* – это зафиксированный в названии один из основных признаков этого растения – появление ранней весной, когда еще не сошел снег. Здесь внутренняя форма – это и центр представления, и ближайшее значение слова, иначе – этимологическое, народное, общее для всех значение, содержащее один признак, тогда как дальнейшее значение слова у каждого различно по количеству и качеству элементов. Во втором случае во внутренней форме происходит утрата первоначального образа, забвение представления. Например, под словом *окно* обычно понимают раму со стеклами, тогда как, судя по сходству со словом *око*, оно означает или то, куда, сквозь что смотрят, или то, куда, сквозь что проходит свет. В процессе исторического развития языка прежние содержание забывается, и звук слова

становится носителем более актуального значения. Внутренняя форма становится знаком, символом, заменяющим для нас субъективное значение. Например, когда ребенок определяет круглый колпак лампы как *арбуз*, то из значения прежнего слова в новое входит только один признак – шаровидность. Этот признак есть знак значения этого слова, он выступает не как представитель первичного образа, а как представитель звука, то есть знак знака, или, по-иному, основание сравнения между двумя сравниваемыми сложными мыслительными единицами.

Следует отметить, что единого определения внутренней формы у Потебни нет. В течение ряда лет Потебня дал несколько определений внутренней формы, в последнем из которых под внутренней формой понимается представление плюс этимологическая форма слова, а также наименьшее значение, «без которого слово не может быть самим собой». Превращение слова с представлением (в котором есть сравнение) в слово без представления представляет собой расширение значения слова, оно есть причина изменения поэтического слова в прозаическое.

Потебня рассматривает язык как систему тесно связанных и взаимообусловленных элементов, в которой всякое явление находится в связи с другим, способствуя тем самым формированию понятия языковой системы. Языковая система представляет собой совокупность разновременных наслоений. Прежде связанное в языке служит основанием новому, частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью меняет свой вид и значение единственно от присутствия нового. Язык всегда более-менее пестрит оставшимися снаружи образцами разнохарактерных пластов.

Много внимания Потебня уделяет процессам образования и изменения грамматических категорий как категорий мышления. Фактически в своем четырехтомном труде «Из записок по русской грамматике» Потебня рассматривает основные направления эволюции языка и мышления. Первый и второй том посвящены членам предложения и различным заменам, которым эти исторически подвергались, третий том – эволюции существительного и прилагательного из древнего причастия, четвертый том – глаголу и остальным частям речи.

Учение о предложении занимает в работах Потебни значительное место потому, что он связывает между собой строение предложения и строение мысли. Именно поэтому он стремится установить эволюцию разных типов предложения, опираясь на развитие мысли. Потебня выделяет две стадии в развитии предложения – древнюю и современную. Древний тип предложения был именным, а современный характеризуется преобладанием глагольного элемента, что соответствует двум этапам в развитии мышления. Ранний этап характеризовался конкретностью восприятия предметов и явлений, без расчленения их на признаки и качества, что и находило свое выражение в именном строе языка. Целостность восприятия находила свое отражение в наименовании, когда в его основу брался какой-нибудь один

признак. На втором этапе развивается способность человека к отвлеченному мышлению, человек переходит от цельности мысли и речи к разделению мыслимого на вещь и ее качества и действия, что приводит к усилению глагольности в предложении. Развитие и изменение предложения тесно связано с развитием и изменением грамматических категорий, в частности частей речи. Именно в предложении, по мысли Потебни, развиваются не только сочетания форм, но и сами части речи.

Потебня считает, что первичными словами были междометия или близкие к ним слова, в основе которых лежат чувственные образы. Эти слова не являлись ни существительными, ни прилагательными, ни глаголами и походили скорее на имя, чем на глагол. Потебня называет их первообразными причастиями, которые выделили из себя имя существительное, грамматическую категорию субстанции. Дальнейшее развитие мышления приводит к ослаблению в имени существительном признака предметности и усилению значения признака, качества, что формирует новую грамматическую категорию – имя прилагательное. Дальнейшая эволюция мысли и языка приводит к вытеснению категории субстанции (существительного) категорией процесса, действия, силы, энергии, к появлению новой категории – глагола. Глагол, по Потебне, все больше вытесняет существительное там, где может его заменить. Ближе к настоящему времени именной характер предложения все более и более стирается, в нем усиливается глагольность.

Потебня рассматривает грамматическую форму как понятие семантико-синтаксическое, подчеркивая, что нет формы, присутствие и функции которой узнавали бы иначе, как по смыслу, то есть по связи с другими словами и формами в речи и языке. Он полагает, что грамматическую форму нельзя отождествлять со звуком, ибо она прежде всего есть значение, так как многие грамматические формы в определенных случаях не имеют звукового обозначения. Грамматические формы могут выражаться как формальными элементами слова, так и его синтаксическими связями. В своей грамматической теории Потебня раскрывает соотношение понятий «грамматическая форма», «грамматическая категория» и «части речи». Грамматические категории и части речи он рассматривает как рубрики, по которым классифицируются наши представления как отдельные акты мысли, производящей такую классификацию. Грамматические категории тесно связаны с лексическим, вещественным значением слова, поскольку и вещественное и формальное значение данного слова составляют один акт мысли. Соединение грамматического и лексического значений осуществляется грамматической формой, которая в языке составляет стройную систему.

Лингвистические исследования Потебни проникнуты живым интересом к семантике грамматических категорий, к поэтической образности языка. По мысли Потебни, язык во всем своем объеме и каждое слово в отдельности соответствуют искусству, «притом не только по своим стихиям,

но и по способу их соединения». В связи с теорией внутренней формы Потебня рассматривает символизм языка как его поэтичность, а забвение, исчезновение внутренней формы – как прозаичность. Теория художественного слова Потебни основана на его глубоком убеждении, что «искусство есть язык художника». И как с помощью слова нельзя передать другому свою мысль, а можно только пробудить в нем его собственную, так нельзя сообщить ее и в произведении искусства; поэтому содержание искусства развивается уже не в художнике, а в понимающих.

Таким образом, общелингвистическая концепция Потебни опирается на основополагающее положение лингвистического психологизма о едином процессе развития мышления и языка, о невозможности развития одного без участия и развития другого. Само рождение мысли обнаруживает ее тесную связь с языком. Мысль как бы начинается с первым языковым действием и оформляется в своих категориях – представлениях, образах, понятиях – одновременно с формированием категорий и форм языка. Считая основной реальностью языка связную речь, Потебня изучает язык в связи с народным поэтическим творчеством, народными верованиями и обрядами, чем вносит большой вклад в развитие русской диалектологии и этнографии. Потебня увязывает изменение грамматических форм грамматического строя языка с изменением форм мышления, создавая на этой основе стройную грамматическую теорию. Эта теория базируется на принципе структурной взаимосвязанности всех основных грамматических категорий – слова, части речи, члена предложения и предложения – и их исторической изменчивости, связанной с развитием категорий и форм мышления.

Итак, психологическое направление, опираясь на понятия и термины ассоциативной психологии, рассматривало язык как явление историческое и динамическое, развивающееся вместе с мышлением, подчеркивало теснейшую связь языка и мышления. Представители психологического направления придавали большое значение исследованию речевых актов живого языка, что, по их мнению, позволяло понять сущность и происхождение языка, выявить его внутреннее строение и развитие языковых форм. Пристальное внимание они уделяли процессам образования языковых единиц, пытались объяснить их психологическими законами ассимиляции, ассоциации, апперцепции. Лингвистический психологизм оказал большое влияние на становление языкознания как науки, на дальнейшее развитие отдельных концепций языка, ориентированных на психологические принципы его анализа: младограмматизм, этнолингвистику, теорию универсальной грамматики А. Марти. Последняя основывалась на анализе и описании единых для человека психических функций и их содержания, находящихся выражение в универсальных языковых средствах. Качественно новым этапом в развитии психологического направления становится возникшая в начале 50-х гг. XX в. психолингвистика, которая расширила предмет и методы своего исследования.